

УДК 7.031, 7.032

ББК 85.03; 63.3(0)32

DOI:10.18688/aa155-1-7

И. В. Палагута

Античные изобразительные и письменные источники в решении проблемы интерпретации памятников искусства доисторической Европы

Европейские культуры неолита — медного века (VII–III тыс. до н. э.) представляют огромный массив изобразительных памятников — предметов мелкой глиняной пластики (антропоморфных и зооморфных статуэток, миниатюрной посуды, моделей транспортных средств, жилищ и предметов их интерьера, орудий труда и оружия). В течение XX в. утвердилось представление о том, что большая часть этих находок должна быть связана с культурами плодородия и «Великой Богини» [23]. Среди археологов эти идеи были поддержаны М. Гимбутас и Б. А. Рыбаковым [22; 9] и стали исходным пунктом для большинства дальнейших построений. На фоне доминирующей концепции линия интерпретации фигурок как изображений предков рассматривалась лишь в контексте общих размышлений о возможных значениях статуэток и моделей жилищ [2]. В последние два десятилетия в их изучении наметились существенные сдвиги. Важным моментом в смене исследовательских парадигм стала не только критика положений теории М. Гимбутас и универсалистского подхода к интерпретации пластики в целом, но и предложение использования в ее изучении искусствоведческих методов [24; 5].

В результате изучения памятников раннеземледельческой эпохи к настоящему времени накопилось достаточно материалов, включающих не только сами предметы пластики, но и данные о контекстах находок. Расширились и возможности для реконструкции организации доисторических социумов. Наиболее информативными источниками в исследовании пластики являются наборы фигурок, которые в ряде случаев сопровождаются моделями жилищ с предметами интерьера. Находки таких наборов пока немногочисленны, большинство их (восемь из двенадцати) сосредоточено в пределах ареала археологической культуры Триполье-Кукутени, существовавшей на территории современных Румынии, Молдавии и Правобережной Украины во второй половине V — начале III тыс. до н. э. Единичные находки наборов статуэток в Болгарии, Греции и Сербии свидетельствуют о том, что они могут быть встречены и в других областях Балкано-Карпатского региона, где в это время были распространены генетически близкие культуры «крашеной керамики» — Гумельница, Винча и др.

Сравнительный иконографический анализ двух аналогичных по структуре наборов из двадцати одной статуэтки и тринадцати миниатюрных моделей креслиц, обнару-

женных *in situ* на прекукутенских поселениях Подури и Исайя, показал, что в их состав входят не только женские, но и мужские фигурки, образующие устойчивую иерархически организованную группу персонажей (Илл. 12, 1) Он также дал основания для предположения о том, что они могли изображать предков: семейных или общинных, реальных или героизированных — мифических [6, с. 143].

Кроме этих наборов группы фигурок были обнаружены на ряде некоторых более поздних по времени памятников этой же культуры. Так, в Думешти был найден набор, состоящий из двенадцати фигурок — шести мужских и шести женских [26]. «Клад» из тринадцати статуэток происходит из поселения Малиновцы в Поднестровье [11]. Наборы из четырех разнополых статуэток, уложенных в сосуды, обнаружены на поселениях Бузня и Гэлэешти. В Гэлэешти также были открыты две модели жилищ, в которые были помещены, соответственно, четыре и две антропоморфные фигурки [27, р. 41–49] (Илл. 12, 2–3).

Вне относительно хорошо изученного трипольско-кукутенского ареала набор из восьми разнополых фигурок разного размера, помещенных в модель жилища, был обнаружен под полом постройки на поселении Платиа Магула Зарко в Греции. Он был интерпретирован как изображение нисходящей линии поколений предков [21]. Набор из четырех фигурок и предметов интерьера в модели жилища был найден на поселении Овчарово в Болгарии [10, с. 38, табл. VII]. Несколько особняком стоят наборы из Сербии: из Дивостина, целостность которого остается под вопросом, и Стублине, где сорок три схематические фигурки изображают несколько групп вооруженных людей [25; 16].

Большинство этих находок (кроме набора из Стублине) объединяет ряд сходных особенностей. Во-первых, сразу обращает на себя внимание связь некоторых наборов с жилищем и обитающей в нем семьей. Отчасти на это указывает то, что все находки сделаны в жилищах, где статуэтки хранились и демонстрировались. Кроме того, связь с домом очевидна для фигурок, обнаруженных вместе с моделями жилищ (Овчарово, Платиа Магура Зарко, Гэлэешти). Такую тесную связь антропоморфного персонажа с домом демонстрирует и обширная серия моделей жилищ, увенчанных человеческой фигурой, происходящих из памятников эпохи среднего неолита Македонии и образующих культурную группу Велушина-Породин [3]. В том же контексте можно рассматривать и находки трипольских моделей жилищ с изображенными в их интерьере людьми, которые либо иллюстрировали фольклорный или мифологический сюжет, либо, скорее всего, изображали собой благопожелательную формулу [8]. Во-вторых, фигурки в наборах соответствующим образом организованы. Судя по различиям по полу и размеру, это группы, организованные по половозрастному принципу. В ряде наборов прослеживается повторяемость сочетаний числа входящих в них фигурок. Это позволяет видеть в них отражение устойчивых представлений о группах конкретных персонажей [6].

При интерпретации этих наборов прежде всего напрашиваются параллели с изобразительным искусством обществ, соответствующих по уровню развития европейскому неолиту. Культ предков, как и связанные с ним изображения, в различных формах широко представлен в мировой этнографии и является важной составляющей духовной

культуры традиционных обществ, в основе структуры которых — род или линидж. Однако здесь при анализе важно избежать ошибок сравнительной этнографии XIX — начала XX в., использовавшей, «по сути, иллюстративный, а не сравнительный метод» [19], когда для реконструкций привлекались примеры, вырванные из контекста культуры, и сравнение производилось по внешнему подобию персонажей, сюжетов, обрядов, зачастую без надлежащей критики источников.

Близкие структурные аналогии европейской неолитической пластике дает анализ материалов античной культуры — не только памятников археологии, но и письменных источников [7]. При этом исключаются группы статуэток, имевших вотивный характер и связанных со святилищами (например, «клады» статуэток из Элевсиниона или этрусские вотивы [28; 30]), которые к наборам раннеземледельческих фигурок не имеют прямого отношения.

Однако многочисленны и находки античной мелкой пластики в пределах жилищ. Большинство древнегреческих терракот можно атрибутировать как изображения различных божеств, из которых составлялись домашние «божницы». Учитывая рекомендацию, высказанную Платоном: «Не следует иметь в частных домах святилищ богов» [Πλάτων, Νόμοι, 909–910], здесь предпочтение отдавалось не домашним, а общественным культам [20]. Более близки нео-энеолитическим наборам пластики — по «домашнему» контексту и иконографии композиции, объединяющей группу персонажей, — присутствующие в интерьере большинства римских *domus*’ов и сельских вилл «ларарии» с фигурками населяющих их Ларов, входивших в группу божеств, тесно связанных с римской семьей (*familia*), родом (*gens*), общиной и ее территорией (*pagus*). Кроме *Lares*, это также *Genii Familiae*. Они упоминаются во множестве дошедших до нас текстов римских и греко-римских авторов: Марка Порция Катона, Марка Терренция Варрона, Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия, Публия Вергилия Марона, Марка Туллия Цицерона, Петрония Арбитра, Плутарха, Публия Овидия Назона, Секста Помпея Феста, Арнобия Старшего и других. Все эти источники относительно поздние (со II–I вв. до н. э. по IV–V вв. н. э.), как и основной изобразительный материал, датирующийся в основном I в. до н. э. – I в. н. э. Отраженные в них представления о Ларах и Пенатах — «многослойные», видоизменявшиеся с развитием общества и включившие в себя те представления, которые сложились в рамках неримских культур. Историография исследований культов римских домашних божеств достаточно обширна [13].

Находки ларариев широко представлены на территории Римской империи. Судя по ларариям из Помпей, Геркуланума и Стабий, большинство из них представляло собой ниши в стене, обрамленные портиком, создающим подобие дома или небольшого храма [14]. Таким образом, иконография конструкции указывает на ее тесную связь с домом. Сами Лары обычно изображались в виде пары юношей, каждый из которых держит в руках ситуту и рог, из которого льется струя вина. Между ними — фигура в наброшенной на голову тоге, с паторой и прямоугольной шкатулкой в руках, по видимому, Гений хозяина дома в момент акта жертвоприношения. Под всей композицией располагалось изображение одной либо двух змей (Илл. 13, 1). В нишах или шкафах-ларариях могли находиться и объемные бронзовые фигурки «танцующих» Ларов вместе со статуэтками, изображающими других божеств, почитаемых в домаш-

нем святилище (*sacellum*), а также изображениями предков [13, p. 258–262, fig. 14.5]. Описание содержимого подобного ларария дает герой «Сатирикона» Петрония: войдя в дом Трималхиона, он в атрии «увидел в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая, засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина» [Petr., Sat., XXIX]. Набор предметов здесь помимо почитаемой хозяином богини включает и фигурки Ларов, и посвященные Ларам волосы от его первой бороды.

Лары прочно ассоциируются с домом и его хозяевами. Марк Туллий Цицерон, требуя вернуть ему его дом, не забывает и о домашних божествах, которые «вернутся в мой дом вместе со мной» [Cic., De domo, LVI, 142]. На эту же связь указывает и Овидий, отмечая факт, когда «Ларов из старых домов к новым несли очагам» [Ovid., Fast., IV, 800–804]. В «Фастах» Овидия подчеркнута и охранительная функция Ларов [Ovid., Fast., V, 133–144], не только «домашних» (*Lares Familiaris*), но и *Lares Praestites* (досл.: «впереди стоящие», «предстоящие») — хранителей города Рима. Именно такие Лары, у ног которых изображена собака, представлены на денарии, выпущенном в 112/111 г. до н. э. (Илл. 13, 2) [31, p. 251]. По Плутарху, собака рядом с изображениями Ларов связана с функциями этих «низших демонов» — оберегать жизнь и дом человека [Plut., Quaest. Rom., 51]. Изображение на монете соответствует описанию римских *Penates*, данному Дионисием Галикарнасским. Такими он видел их в небольшом храме, расположенном «в Риме недалеко от Форума по кратчайшей дороге, ведущей к Каринам», на Велии [Dion., Rom. Ant., I, LXVII–LXVIII].

Очевидно, во времена Овидия и Дионисия оба термина, *Lares* и *Penates*, уже воспринимались как тождественные. Согласно А. Дюбордьё, к рубежу эр культ Пенатов складывался из нескольких различных по происхождению линий, ряд из которых восходил к почитанию духов-хранителей царских родов (*gentes*) — Помпилиев, Гостилиев, Марциев. Места отправления их культов были связаны с царскими резиденциями в Регии и на Велии [18]. В отличие от легендарных Пенатов — «неких статуэток, деревянных или мраморных, которые Эней привез в Италию» из Фригии [Servius, 6.152], хранившихся в храме Весты, — изображение Пенатов-Ларов на Велии было доступно обозрению.

О Пенатах пишет и Арнобий. Около 300 г., со ссылкой на Варрона, он сообщает, что Пенаты это: «обитающие... во внутренних покоях неба боги... Этруски называют их *Consentes* и *Complices*, и именно потому, что они вместе происходят и вместе умирают. Шесть мужского и столько же женского пола, с неизвестными именами и немилосердные» [Arnob., Adv. Nationes, III, 40]. Ларов «народ считает богами улиц и путей», а также «стражами кровель и домов». В их определении Варрон колеблется, то считая Ларов Манами (духами предков), и «поэтому Мать Ларов называется Манией», то «признает их за богов воздуха и героев», то «утверждает, следуя мнениям древних, что Лары — это Ларвы, как бы некоторого рода гении и души умерших» [Arnob., Adv. Nationes, III, 41].

Это свидетельство выявляет параллель с числовыми соответствиями фигурок в упомянутых выше наборах культуры Триполье-Кукутени V–IV тыс. до н. э. Это шесть мужских и шесть женских фигурок из Думешти, а если добавить к ним «Мать Ларов» —

получаются наборы из тринадцати фигурок (семь женских плюс шесть мужских, где самая крупная — женская), как в Подури, Исае (сидящие на креслицах) и Малиновке. Такое соответствие можно рассматривать только как гипотезу и без связи с возможными этноязыковыми реконструкциями.

Культ Домашних Ларов (*Lares Familiaris*) отправлялся в каждой римской *familia*, будучи важнейшей частью фамильной *sacra*, а также в сельских общинах — на перекрестках (*Lares Compitales*). Лары охраняли дороги и морские пути (*Lares Viales* и *Lares Permarini*). Жертвоприношения Ларам совершались в январе, в праздник Компиталий «на перекрестке или на очаге» [Cato, *De agri cultura*, V, 3]. Ларов чтили и в майские календы — в праздник Ларалии, первого мая [Ovid., *Fast.*, V, 129]. В культ Домашних Ларов были вовлечены и «младшие» члены *familia* — рабы и дети. В Компиталии частью обряда было подвешивание на перекрестках вотивных фигурок — сделанных из шерсти куколок детей и шариков шерсти, символизирующих рабов [4, с. 165–166]. Лары участвовали и в обрядах инициации, когда юноши посвящали «первую бороду» или буллу Домашним Ларам при надевании мужской тоги. Невеста перед замужеством посвящала Ларам свои детские игрушки, а в доме мужа, переходя под защиту его Ларов, приносила им в жертву символическую плату [12, с. 114–115, 122–123].

Важный аспект почитания Ларов — их связь с культом предков и героев. Насколько прямо Лары с ним связаны — вопрос дискуссионный, однако в пользу их связи говорят не только сообщения источников, но и эпиграфический материал [12, с. 49–52, 121; 4, с. 77]. Вероятно, изначально эта связь была теснее, и Лары почитались как покровители и родоначальники римских *gentes*, но позже, с дроблением родов и утратой связей с родовыми территориями, они ассоциируются с местом, а не с какой-либо легендарной личностью.

Аналогичные культы были распространены не только в Древнем Риме. В ключе представлений о предках также можно интерпретировать библейский сюжет об «идолах» Лавана, которые похитила у него его дочь Рахиль, уезжая вместе с Иаковом от отца в Ханаан [Бытие, 31: 17–35]. Вероятно, что здесь мы также имеем дело с изображениями предков. Тогда получается, что путем их похищения Рахиль уводит линию предков Лавана в род своего супруга Иакова.

В связи с античными домашними культами обратим внимание еще на одну аналогию с раннеземледельческой изобразительной традицией. Обязательным атрибутом помпеянских ларариев являются изображения змей [15]. Связь змей с домашним культом происходила из обычая содержать змей в домах в качестве домашних животных [Plin. *Hist. Nat.*, XXIX, 72]. В Греции змеи персонифицировали хранителя дома — Зевса Ктесия [20, р. 216–217]. Обратим внимание на то, что орнаменты, производные из фигур змей, достаточно широко распространены на керамике культур неолита — медного века Европы. Таким образом, можно говорить об общем семантическом поле Ларов, Гениев и змей, выступающих в едином контексте домашних культов древнего Средиземноморья. Такая аналогия между античным и неолитическим материалом вполне приемлема.

На связь Ларов с идеей плодородия указывают лишь некоторые атрибуты (рог изобилия), значение которых не выходит за рамки указания на то, что Лары, оберегаю-

шие дом, также должны и приносить в него достаток. Попытки усмотреть здесь следы культов плодородия и гипотетической «Великой Богини» бездоказательны.

Между энеолитом и началом античной эпохи, ранним железным веком, — более двух тысячелетий, эпоха бронзы. На протяжении этого периода в доисторических европейских обществах, на фоне развития древнейших цивилизаций Ближнего Востока, Египта и Средиземноморья, происходят значительные изменения, которые отражаются и в памятниках искусства. Достаточно отметить только распространение традиций постройки монументальных сооружений, как специализированных святилищ и храмов, так и погребальных памятников.

Мелкая пластика, в неолите и энеолите по большей части связанная с контекстом домохозяйства, приобретает новые функции. В частности, на Крите, как и на Ближнем Востоке, серии вотивных фигурок обнаружены в святилищах. С другой стороны, находки кикладских статуэток связаны в основном с погребениями [1, с. 51–60]. С погребениями также связаны и чрезвычайно интересные находки глиняных моделей построек (святилищ?) с размещенными в них фигурками из могильника Вунус на Кипре и Камилари на Крите [17; 1, с. 411]. В контексте погребальных обрядов выступают и погребальные антропоморфные урны, которые впервые появляются в раннем бронзовом веке (баденская культура). В позднем бронзовом веке традиция их изготовления распространена как в Центральной и Северной Европе, так и в Северной Италии, где позже «каноны» с крышками в виде портретного изображения человеческой головы представлены в этрусских древностях вплоть до VII–VI вв. до н. э. Параллельно в этих регионах представлены и серии погребальных урн в виде моделей жилищ [29]. Не сталкиваемся ли мы здесь с элементами цепочек ассоциаций, приведших впоследствии к формированию культа Ларов? Дальнейшие исследования в обозначенной области позволяют выйти на новый уровень интерпретаций, что дает возможность гораздо полнее раскрыть содержание и объяснить формы доисторического искусства Европы.

Литература

1. Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 864 с.
2. Дяченко О. В., Черновол Д. К. Моделі жител трипільської культури як відображення культу предків // Матеріали та дослідження з археології Східної України: від неоліту до киммерійців. Збірник наукових праць. № 7. – Луганськ: Видавництво СНУ ім. Даля, 2007. – С. 39–44.
3. Колиштркоска Настева И. Праисториските дами од Македонија. Каталог. – Скопје: НУ Музеј на Македонија, 2005. – 116 с.
4. Маяк И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). – М.: Изд. МГУ, 1983. – 272 с.
5. Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. – СПб.: Алетей, 2012. – 336 с.
6. Палагута И. В. Первобытное общество в зеркале искусства: новый взгляд на интерпретацию антропоморфной пластики эпохи неолита // Вестник СПбГУ. Сер. 15. – Искусствоведение. 2013. Вып. 2. – С. 130–148.
7. Палагута И. В., Митина М. Н. Некоторые замечания к смысловой интерпретации предметов раннеземледельческой пластики: *Lares et Penates* эпохи неолита? // Вестник СПбГУ. Сер. 15. – Искусствоведение. 2014. Вып. 4. – С. 80–95.
8. Палагута И. В., Старкова Е. Г. Модель жилища из трипольского поселения Попудня: новая интерпретация уникальной находки. – В печати.

9. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
10. Тодорова Х. Археологическо проучване на праисторически обекти в района на с. Овчарово, Търговишко, през 1971–1974 // Овчарово / Разкопки и проучвания, IX. – София: Археологически институт с музей, 1983. – С. 7–104.
11. Шманько О. Випадкова знахідка ритуального скарбу трипільської культури з території Середнього Подністрів'я // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 12. – Львів, Інститут українознавства імені І. Крип'якевича при НАН України, 2008. – С. 368–374.
12. Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
13. Bodel J. Cicero's Minerva, Penates, and the Mother of the Lares: An Outline of Roman Domestic Religion // Household and Family Religion in Antiquity / J. Bodel, S. M. Olyan (eds.). – Oxford: Blackwell, 2008. – P. 248–275.
14. Boyce G. K. Corpus of the Lararia of Pompeii // Memoirs of the American Academy in Rome. Vol. 14. – Rome: American Academy in Rome, 1937. – 112 p.
15. Boyce G. K. Significance of the Serpents on Pompeian House Shrines // American Journal of Archaeology. – 1942. – Vol. 46 – No. 1. – P. 13–22.
16. Crnibrnija A. Arrangement of Vinia Culture Figurines: a Study of Social Structure and Organization // Documenta Praehistorica. Issue XXXVIII (Neolithic studies, 18). 2001. – P. 131–147.
17. Dikaios P. Les cultes préhistoriques dans l'île de Chypre // Syria, XIII – 1923. – P. 345–354.
18. Dubourdiue A. Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome. – Rome: École Française de Rome, 1989. – 594 p.
19. Evans-Pritchard E. E. Theories of Primitive Religion. – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 132 p.
20. Faraone C. A. Household Religion in Ancient Greece // Household and Family Religion in Antiquity / J. Bodel, S. M. Olyan (eds.). – Oxford: Blackwell, 2008. – P. 210–228.
21. Gallis K. J. A Late Neolithic Foundation Offering from Thessaly // Antiquity. – 1985. – Vol. LIX. – P. 20–24.
22. Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC: Myths, Legends and Cult Images. – London: Thames & Hudson, 1974. – 303 p.
23. Hutton R. The Neolithic Great Goddess: a Study in Modern Tradition // Antiquity. – 1997. – Vol. 71. – No. 271. – P. 91–99.
24. Lesure R. G. Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 256 p.
25. Letica Z. Anthropomorphic and Zoomorphic Figurines from Divostin // Divostin and the Neolithic of Central Serbia / A. McPherron, D. Srejović (eds.). – Pittsburgh: University of Pittsburgh Publ., 1988. – P. 173–202.
26. Maxim-Alaiba R. Complexul cultural Cucuteni-Tripolie: meșteșugul olăritului. — Iași: Junimea, 2007. — 198 p.
27. Monah D. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie // Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, 3. – Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț, 1997. – 524 p.
28. Mtils M. M. The City Eleusinion // The Athenian Agora Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXXI. – Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1998. – 233 p.
29. Sabatini S. House Urns. A European Late Bronze Age Trans-cultural Phenomenon // Gotarc series B. Gothenburg archaeological theses, No. 47. – Göteborg: Göteborgs Universitet, 2007. – 362 p.
30. Turfa J. M. Votive Offerings in Etruscan Religion // The Religion of the Etruscans / N. Th. De Grummond, E. Simon (eds.). – Austin: University of Texas Press, 2006. – P. 90–115.
31. Waites M. C. The Nature of the Lares and Their Representation in Roman Art // American Journal of Archaeology. – 1920. – Vol. 24. – No. 3. – P. 241–261.

Название статьи. Античные изобразительные и письменные источники в решении проблемы интерпретации памятников искусства доисторической Европы.

Сведения об авторе. Палагута Илья Владимирович — доктор исторических наук, профессор. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, ул. Фучика, 15, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 192238, ipalaguta@yandex.ru

Аннотация. Европейские культуры неолита — медного века (VII–III тыс. до н. э.) представляют огромный массив изобразительных памятников — предметов мелкой глиняной пластики. Представление о том, что большинство из них должно быть связано с культами плодородия и «Великой

Богини», утвердившееся в течение XX в., требует пересмотра. Близкие структурные аналогии европейской неолитической пластики дает анализ античных источников, в которых отражена группа божеств, тесно связанных с домом, *familia* и *gentes*: *Genii Familiae*, *Lares* и *Penates*. Связанные с ними «домашние» культы восходят к почитанию семейных или общинных предков. Ряд черт культа и иконографии Ларов дает основание для проведения параллели с некоторыми группами произведений раннеземледельческой пластики, которые можно интерпретировать как изображающие персонажей, связанных с культом предков. Важной проблемой остается исследование массива пластики бронзового века (III–II тыс. до н. э.). Дальнейшие исследования в обозначенной области позволят гораздо полнее раскрыть содержание доисторического искусства Европы.

Ключевые слова: доисторическое искусство; археология; античное искусство; история Древней Греции и Древнего Рима; коропластика; Лары и Пенаты; культ предков.

Title. Imagery and Written Sources of Classical Antiquity and the Problem of Interpretation of Prehistoric European Art

Author. Palaguta, Ilia Vladimirovich – Doctor in History, professor. Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Fuchika str., 15, 192238 St. Petersburg, Russian Federation. ipalaguta@yandex.ru

Abstract. European cultures of the Neolithic and Copper Age dating back to the 7th–3rd millennia BC present a huge array of art objects, first of all of various forms of small clay sculpture (figurines, miniature models of houses etc.). The idea of connecting the majority of these finds with cults of fertility and the “Great Goddess”, which was confirmed in the 20th century, ought to be rethought. Analysis of antique, particularly Roman material gives close structural analogues to European statuettes of the Neolithic Age. In extant texts groups of gods associated with home and family are mentioned: *Genii Familiae*, *Lares Familiares et Compitales*, *Penates*. Related to them household cults originate from worshipping family or community ancestors. Some features of *Lares’* and *Penates’* cult and its iconography give grounds to draw a parallel with certain groups of early agriculturalist statuettes, which can be interpreted as images connected with ancestors’ cult. The study of the Bronze Age plastic (III–II millennia BC) also meets important problems. Further studies in the designated area would allow us to reach a new level of interpretation, making the contents of European prehistoric art clear and disclosed.

Keywords: prehistoric art; archaeology; Ancient Greek and Roman art and history; coroplastics; Lares and Penates; cult of ancestors.

References

- Andreiev Iu. V. *От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.) (From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze Age and Early Iron Age. 3rd – Early 2nd Millennia BC)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002. 864 p. (in Russian).
- Bodel J. Cicero’s Minerva, Penates, and the Mother of the Lares: An Outline of Roman Domestic Religion. *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, Blackwell Publ., 2008, pp. 248–275.
- Boyce G. K. *Corpus of the Lararia of Pompeii. Memoirs of the American Academy in Rome, vol. 14*. Rome, American Academy in Rome Publ., 1937. 112 p.
- Boyce G. K. Significance of the Serpents on Pompeian House Shrines. *American Journal of Archaeology*, 1942, vol. 46, no. 1, pp. 13–22.
- Crnobrnja A. Arrangement of Vinča Culture Figurines: a Study of Social Structure and Organization. *Documenta Praehistorica*, 2001, vol. XXXVIII (Neolithic studies, 18), pp. 131–147.
- Diachenko O. V.; Chernovol D. K. The Cucuteni-Trypillian House-Models as a Reflection of the Ancestors’ Cult. *Materialy ta doslidzhennia z arheologii’ Shidnoi’ Ukraïny: vid neolitu do kimmeriïciv (Materials and Studies in Archaeology of the Eastern Ukraine from the Neolithic Age to Cimmerians)*. Lugansk, Vydavnistvo SNU im. Dalia Publ., 2007, no. 7., pp. 39–44 (in Ukrainian).
- Dikaïos P. Les cultes préhistoriques dans l’île de Chypre. *Syria*, 1923, vol. XIII, pp. 345–354 (in French).
- Dubourdiue A. *Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome*. Rome, École Française de Rome Publ., 1989. 594 p. (in French).
- Evans-Pritchard E. E. *Theories of Primitive Religion*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1965. 132 p.
- Faraone C. A. Household Religion in Ancient Greece. *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, Blackwell Publ., 2008, pp. 210–228.
- Gallis K. J. A Late Neolithic Foundation Offering from Thessaly. *Antiquity*, 1985, vol. LIX, pp. 20–24.

Gimbutas M. *The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC: Myths, Legends and Cult Images*. London, Thames & Hudson Publ., 1974. 303 p.

Hutton R. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition. *Antiquity*, 1997, vol. LXXI, no. 271, pp. 91–99.

Kolištrkoska Nasteva I. *Praistoriskite dami od Makedonija (Women of Prehistoric Macedonia): Katalog*. Skopje, Muzej na Makedonija Publ., 2005. 116 p. (in Macedonian).

Lesure R. G. *Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2011. 256 p.

Letica Z. Anthropomorphic and Zoomorphic Figurines from Divostin. *Divostin and the Neolithic of Central Serbia*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Publ., 1988, pp. 173–202.

Maiak I. L. *Rim pervykh tsarei (Genezis rimskogo polisa) (Rome of the Early Kings. Genesis of the Roman Polis)*. Moscow, Moscow State University Publ., 1983. 272 p. (in Russian).

Maxim-Alaiba R. Le complexe de culte de la phase Cucuteni A3 de Dumești (dép. De Vaslui). *La civilisation de Cucuteni en contexte Europeen. Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni (Iași — Piatra Neamț, 24–28 septembre 1984)*. Iași, Université “Al. I. Cuza” Publ., 1987, pp. 269–286 (in French).

Monah D. Plastica antropomorfa a culturii Cucuteni-Tripolie (Anthropomorphic Plastics of the Cucuteni-Tripolie Culture). *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis*, 3. Piatra-Neamț, Muzeul de Istorie Piatra Neamț Publ., 1997. 524 p. (in Romanian).

Mtiles M. M. The City Eleusinion. *The Athenian Agora Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens*, vol. XXXI. Princeton — New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens Publ., 1998. 233 p.

Palaguta I. V. *Mir iskusstva drevnih zemledel'tsev Evropy. Kul'tury balkano-karpatskogo kruga v VII–III tys. do n.e. (Art of Ancient European Agriculturists. Cultures of the Balkan and Carpathian Region of the 7th–3rd millennia BC)*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2012. 336 p. (in Russian).

Palaguta I. V. Prehistoric Society as Reflected in Art: a New Attitude to the Interpretation of the Neolithic Anthropomorphic Plastics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 15. Iskusstvovedenie (Bulletin of the Saint Petersburg State University. Series 15. Art Critics)*, 2013, no. 2, pp. 130–148 (in Russian).

Palaguta I. V.; Mitina M. N. Several Notes to the Semantic Interpretation of the Pieces of Early Agricultural Plastics: Lares et Penates of the Neolithic Age? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series 15. Iskusstvovedenie (Bulletin of the Saint Petersburg State University. Series 15. Art Critics)*, 2014, no. 4, pp. 80–95 (in Russian).

Palaguta I. V.; Starkova E. G. *Model' zhilishcha iz tripol'skogo poseleniia Popudnia: novaia interpretaciia unikal'noi nakhodki (House Models from the Cucuteni-Trypillian Site of Popudnia: A New Interpretation of a Unique Find)* (in Russian). In print.

Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnikh slavian (Ancient Slavonic Paganism)*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 608 p. (in Russian).

Sabatini S. House Urns. A European Late Bronze Age Trans-Cultural Phenomenon. *Gotarc series B. Gothenburg archaeological theses*, Göteborg, Göteborgs Universitet Publ., 2007. no. 47. 362 p.

Shman'ko O. Occasional Find of a Cucuteni-Trypillian Ritual Hoard from the Middle Dniester Area. *Materialy i doslidzhennja z arheologii' Prykarpattja i Volyni (Materials and Studies in the Archaeology of Subcarpathia and Volhynia)*. Lviv, Instytut ukrai'noznavstva imeni I. Kryp'jakevycha Publ., 2008, no 2, pp. 368–374 (in Ukrainian).

Shtaierman E. M. *Social'nye osnovy religii Drevnego Rima (Social Grounds of the Ancient Roman Religion)*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 320 p. (in Russian).

Todorova H. Archaeological Research of the Prehistoric Objects in the Vicinity of Ovcharovo, Targovishtko, in 1971–1974. *Ovcharovo. Razkopki i prouchvaniia (Ovcharovo. Excavations and Research)*. Sofia, Arheologicheski institut s muzej, 1983, vol. IX, pp. 7–104 (in Bulgarian).

Turfá J. M. Votive Offerings in Etruscan Religion. *The Religion of the Etruscans*. N. Th. de Grummond, Austin, University of Texas Press Publ., 2006, pp. 90–115.

Waites M. C. The Nature of the Lares and Their Representation in Roman Art. *American Journal of Archaeology*, 1920, vol. 24, no. 3, pp. 241–261.